

УИЛЬЯМ Т. АРМСТРОНГ

ПОВЕСТЬ

О

ТОНИ И ДУНГО

15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Уильям Т. Армспронг

**ПОВЕСТЬ
О
ТОНЦЕ ДУНГО**

Пересказ с английского
Патьяны Карелиной

Рисунки
Елены Флёровой

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

William H. Armstrong
THE TALE OF TAWNY AND DINGO
Harper and Row, Publishers

A 4803020000—346 499—84
M101 (03)84

© Пересказ на русском языке. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.
Text copyright © 1979 by William H. Armstrong.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие ребята! Сейчас вы перевернёте страничку и встретитесь с Тони.

Тони — это ягнёнок, то есть маленькая овца, овечий ребёнок. Много бед и неприятностей придётся ему пережить. И всё только потому, что он родился не белоснежным, как все прочие ягнята, а крапчатым — в бурых пятнах.

Но всё кончится хорошо. И Тони сумеет доказать отаре — овечьему стаду и овчару — овечьему пастуху, — что не ростом и мастью должен быть славен ягнёнок, а делом.

Тони хочет жить, приносить пользу. Но не просто жить, а жить с чувством собственного достоинства. Немножко он этим напоминает гадкого утёнка, правда?

Перелистывая странички этой небольшой повести, вы очень скоро познакомитесь и с Динго. Кто же он с таким странным именем? Совсем не дикая австралийская собака динго, а пёс по кличке Динго, овечий сторож и помощник пастуха. И вот этот взрослый, умный пёс станет верным другом отверженного ягнёнка Тони. А когда рядом друг, все напасти преодолимы.

Вот такую захватывающую историю написал для ребят прогрессивный американский писатель Уильям Г. Армстронг. Когда станете постарше, прочтёте другую его повесть — «Саундер». Она вышла в издательстве «Детская литература» в 1978 году.

Но Армстронг не только писатель, он — овечий фермер. Так что повадки овец, овечьих псов и их исконных врагов — волков ему хорошо известны. И открою вам маленький секрет: Тони и Динго не просто ведут себя, как полагается животным. Они думают, страдают и разговаривают, как люди, как современники автора этой книжки.

Татьяна Карелина

«Я — живу?» — изумился Тони.

Ещё минуту назад живой комочек теснился в утробе матери. И вот он уже лежит на грязной соломе, разбросанной по полу кошары, дрожа от холода. Ягнёнок ловил ртом воздух, он учился дышать. А его мама так и не нагнулась вылизать ему мордочку. Он поднял голову, высунул язычок, пытаясь дотянуться до носа. Не вышло. Тогда он просто вытер нос передней ногой.

Наконец-то! Воздух со свистом рванулся в ноздри.

Он всё ещё вздрагивал от холода, но уже не ощущал себя таким тяжёлым и мокрым. Он глотнул воздуха и вдруг почувствовал в себе удивительную лёгкость. Тогда он попробовал

приподняться. Открыл глаза и взбрыкнул от радости. Он хотел жить. Хотел встать на ноги твёрдо, уверенно. Идти и бежать.

Стоило Тони оглядеться вокруг, как он совсем забыл, что дрожит от холода. Он водил глазами — вверх, вниз, вправо, влево. Разглядывал вдруг открывшийся ему мир. Впереди, над ним, возвышалась его мама. Брат и сестра копошились где-то под ней, сосали молоко, едва не наступая на Тони своими шаткими ножками. Мама-овца вертела головой, обнюхивая и облизывая брата и сестру Тони, пока те пили молоко. Их хвосты, казалось, плясали от удовольствия при каждом ласковом касании материнского языка. А шерстка становилась всё белее и мягче.

Тони очень хотел, чтобы мама лизнула и его. Сладкий запах материнского молока щекотал ему ноздри.

Ягнята лакали молоко так жадно, что оно даже стекало с их подбородков. Несколько капель шлёпнулись на сырую солому совсем близко от Тони.

Тони смотрел и слушал, перебирая непослушными ногами. Вскоре ему всё же удалось подтянуть задние ноги и, оттолкнувшись от земли, приподняться. Но мягкие, словно ватные, они опять подогнулись. Тогда Тони встал на колени, упёрся одной передней ногой, другой и наконец поднялся. Шатаясь и покачиваясь, Тони попробовал сделать несколько шагов по сырой и грязной соломе. Он был горд и счастлив.

Теперь уж он доберётся и глотнёт хоть немножко этого сладко пахнущего молока.

Но что это с мамой? Она смутилась. Она вовсе не рада маленькому странному существу. Уродливей ягнёнка она сроду не видела. Белый, в бурых пятнах — будто в грязи вывалился. Тёмно-коричневые крапинки — словно шарики из грязи приклеились к шерсти. Одно ухо и полмордочки — бурые, и потому с одной стороны голова кажется меньше, чем с другой.

Но вот брат и сестра Тони напились вдоволь. Теперь и Тони мог подойти к матери и тоже отведать молока. Стоило ему хлебнуть теплого молока, и он сразу согрелся, перестал дрожать. Вдруг огромная ножища отшвырнула его. Тони упал

в скользкую мокреть. Когда он с трудом поднялся на ноги, мама была уже далеко, у овечьей кормушки.

Тони попробовал встать, но его ноги разъезжались в грязи, хотя они уже не были ватными. Ягнёнок рванулся было вперёд — вдогонку за мамой. Внезапно путь ему преградили овечий пастух — овчар и его пёс. Тони пронзила дрожь. Он заблеял, стал звать свою маму.

— Бесплезно,— хмуро сказал овчар,— мал ты, весь в каких-то бурых пятнах, да и родился ты третьим, стало быть лишним.

А пёс бегал вокруг Тони, и круги всё сужались и сужались. Тони отчаянно блеял — громче и громче. И вдруг... пёс замер и посмотрел на Тони — глаза в глаза. И принялся лизать бурое Тонино ухо, тёмную половинку его мордочки.

— Назад, Динго! Это тебе не щенок! — раздался голос пастуха.

Пёс послушался хозяина и отступил, а глаза Тони с надеждой следовали за ним.

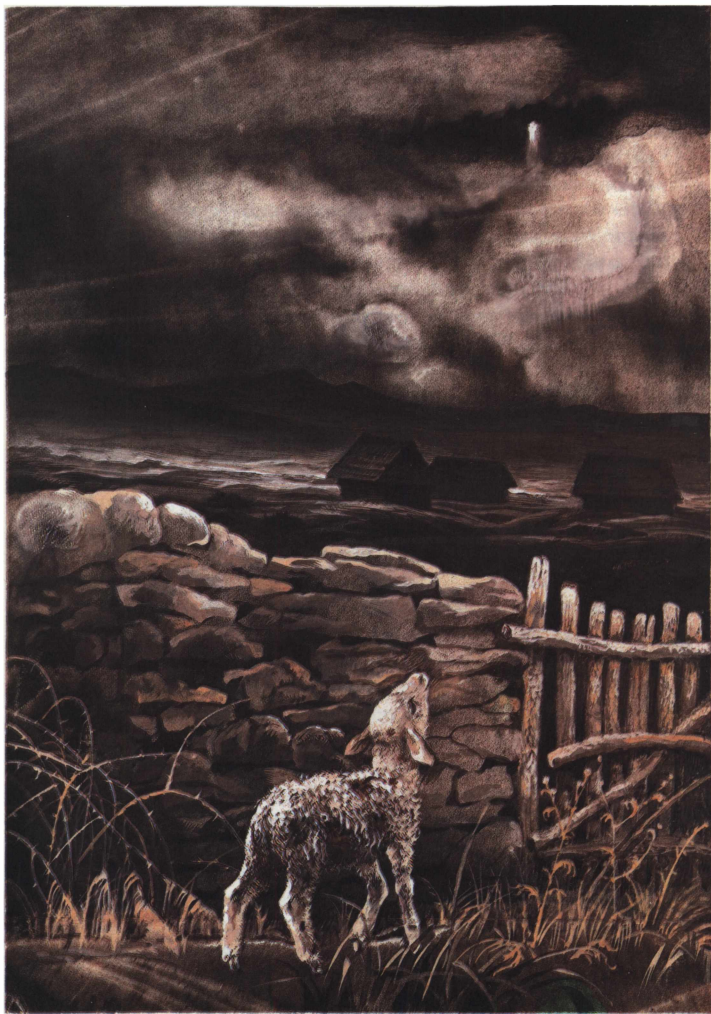
— Мал он слишком; карлик, а не ягнёнок,— сказал пастух.— Ничего из него не выйдет, Динго. Я ведь уже сказал: он третий, и окраска не та, и рост не тот.

Динго не понимал. Он хотел было подтолкнуть Тони к матери, но пастух загородил дорогу.

— Овца может выкормить только двоих ягнят,— терпеливо объяснял он Динго.— Сам подумай, как же ей справиться с тремя? Потому она и не вылизывала его, когда он родился, так что он и овцой-то не пахнет. Да она его просто не признает. Вот так, да к тому же он вполосину меньше обычного ягнёнка. Нет, лучше бы ему вовсе не родиться! Если б он ещё был весь белый, без единого пятнышка — я бы его восемь дней выкармливал козьим молоком, и тогда бы, может, он подравнялся под свою породу. Но из-за бурых пятен он совсем чужак. Понимаешь, он будет тёмным пятном в моём белоснежном стаде. Да меня все пастухи просто засмеют!

Динго не понимал.

Пастух повернулся спиной к Тони: сейчас всё внимание только белым ягнятам. Вот и у других овец народились

малютки, к счастью, все белые. Пастух был так доволен, что совсем забыл про Тони. А тот быстро выучился держаться потише и подальше от пастуха.

Первое время Тони всегда ходил голодным. Но он уже знал — ему нельзя бляеть, как всем, и звать еду. Вот тихонько подкрасться сзади к своей маме или к чужой овце, поймать ртом несколько капель, когда все прочие ягнята уже насытились, — вот это можно. Он уже знал — у овцы с одним ягнёнком молока всегда побольше. И частенько ему удавалось вдоволь напиться прежде, чем его отшвыривали прочь.

Тони был одинок. Вокруг прыгали ягнята, много ягнят, но они убегали от него, даже бодали, стоило ему приблизиться, чтобы бежать с ними вместе за вожаком. Несколько раз Динго, пастуший пёс, спешил ему на помощь. Но овчар не разрешал Динго гонять ягнят.

Тони любил держаться поближе к Динго. Он помнил тёплый собачий язык, что однажды вылизывал ему ухо и мордочку. Ничего лучше в его жизни пока ещё не случалось. Он чувствовал себя одиноким и часто страдал от этого. Но несмотря ни на что Тони хотел жить.

Тони открывал для себя мир, а мир вокруг него был полон удивительных тайн. Проходил день, наступала ночь, и овцы ложились спать. Но Динго нередко спал днём, а по ночам бессонно и беспокойно бродил по кошаре. Иногда по утрам огромный блестяще-золотой шар всходил над кошарой, и тогда пастух тянул руки к небу и радостно кричал: «Солнце! Пришло солнце!» А иногда весь день с неба лилась вода, и тогда солнца не было.

Тони гадал, что же делается там, за высокими стенами кошары? Луна и звёзды приходили откуда-то из другого мира, из-за высокой стены. Из-за стены сверху слетали голуби и копались в сенной трухе кормушки. Потом усаживались на камни, венчающие стены кошары, и ворковали в темноте, убаюкивая Тони.

В дальнем углу кошары из-под стены просачивалась вода, и потому ягнята туда не забредали. Никто, кроме Тони. Слишком сыро, топко. Зато здесь, у самой стены, Тони мог слышать

шаги ночных разбойников — волков. Они крались в темноте где-то там, в другом мире, за стеной. Когда Динго совершал свой ночной обход, он всегда сворачивал поближе к тому месту, где лежал Тони.

Когда Тони достаточно подрос и научился есть ячменную солому и сено из кормушки, другие ягнята бодали его и отпихивали прочь. Хуже всех вёл себя его родной брат. Несколько раз он так прижал Тони к краю кормушки, что чуть не задушил его.

Хорошо, что Тони был так мал: он исхитрялся подползать под самую решётку кормушки. Конечно, там оставались только объедки, но объедки всё же лучше, чем тумак.

Но даже там, под кормушкой, Тони не чувствовал себя в безопасности. Вожак стада, большущий баран, прохаживался вокруг с важным видом, бодая воздух и выставя напоказ свои крутые рога. Тони старался держаться от него подальше.

Однажды Тони подбирал остатки сена под кормушкой, как вдруг почувствовал сильный удар и острую боль в боку. В следующую секунду он взлетел высоко в воздух — это старый вожак поддел его своими кривыми рогами. И тут же отбросил к каменной стене кошары. Удар оглушил Тони, но не поранил его, пятнистого ягнёнка спасла густая курчавая шерстка.

Не успел Тони шлёпнуться, как вновь огромная баранья башка крутыми рогами нацелилась на него. И тогда из ниоткуда на барана кинулся Динго — не под ноги, а в упрямую рогающую голову барана метил пёс. Тони слышал, как из раздувшихся ноздрей барана со свистом рвётся горячее дыхание. Динго бесстрашно впился зубами барану прямо в нос и повис на нём. Пёс не отпускал его до тех пор, пока овчар не закричал и не замахал ярлыгой — длинной палкой с крюком — над головой Динго. Баран затряс головой, сердито набычился и пошёл прочь с окровавленным носом.

Голуби, отлетев к кормушке, испуганно били крыльями. А Тони горячо благодарил Динго — своего верного друга, — ведь Динго спас ему жизнь.

После стычки с бараном Тони стал осторожнее. Он уже не

бежал вслед за стадом к кормушке. Ждал, пока белые овцы, наевшись, улягутся в кошаре, пережёвывая жвачку. И лишь тогда шёл к кормушке. Теперь уже никто не трогал его, пока он ел отборное сено и стебельки ячменя, а не только крошки, просыпавшиеся сквозь решётку на дно кормушки. Он мог даже полакомиться сладким клевером, так как пастух приходил и засыпал свежий корм из высоких стогов, когда отара, насытившись, уже не толклась у кормушки.

Тони чувствовал себя хорошо и спокойно со своим другом Динго. Рядом с ним он был просто счастлив. Когда Динго работал, Тони находил безопасное местечко у самой стены, подальше от отары. Смотрел на Динго, на голубей, что кружились и кружились в голубой арке неба. Иногда он закрывал глаза и засыпал. Тони любил поспать днём, ведь тогда ночью он мог бодрствовать вместе с Динго. Порой ему снилось, что солома под ним вовсе не мокрая, а шёрстку с обоих боков пригревает горячее солнце.

«Фу, этот крапчатый коротышка похож на пса Динго!» — повторяли овцы и ягнята, чтобы уязвить Тони. Глупые, они не понимали, что Тони только рад слышать такое. Ягнята боялись и ненавидели Динго. Они прозвали его «чумазый». Оба — и Тони, и Динго — были бело-бурой масти. Но они были похожи не только мастью. Пятнистый ягнёнок и пятнистый пёс оказались братьями по духу. Так что Тони пропускал мимо ушей, когда другие овцы обзывали его «коротышкой», «уродом» и «недоумком».

Однажды Тони услышал, как пастух говорит очень странные вещи:

— Солнце уже высоко. И луна полная. Время выбирать ягнят.

А потом показывал палкой то на одного, то на другого и всё время повторял, обращаясь к Динго:

— Вон тот, и вон тот, и этот тоже подойдёт. Только не ты, коротышка, — походя бросил пастух Тони. — Мастью не вышел.

С каждым днём солнце поднималось всё выше и мир вокруг Тони преображался. Дни становились длиннее, но Тони хорошо помнил первые трудные недели своей жизни, и ему казалось, что эти светлые дни слишком быстро проходят.

Каждое утро распахивались ворота кошары и всё стадо во главе с вожакom шло на пастбище.

Как быстро менялись оттенки земли — из бурой она становилась светло- и тёмно-зелёной в долинах, радужно-золотой на холмах. А череда холмов тянулась далеко-далеко, к сияющему голубому небу. Как свободно чувствовал себя Тони на пастбище! Щипал траву сколько душе угодно — никто не толкал, не отпихивал его. А наевшись вдоволь, тихонько лежал рядышком со своим другом Динго.

Стадо теперь загоняли в кошару лишь на ночь, чтоб устеречь отару от волков и прочих хищников, рыскающих в поисках добычи.

Солнце стояло высоко в небе. Оно высушило волглую солому и осклизлую грязь на камнях ограды. Теперь, когда Тони ложился у самых ворот, чтоб быть поближе к Динго, он ощущал в себе какой-то новый покой и силу. Ведь сперва, когда стадо только начали выпускать на пастбище, овцы бодали Тони и сталкивали с тропы, назад, к воротам. Но Динго сказал ему:

— Иди рядом со мной.

И теперь Тони переживал стадо и шёл позади всех со своим другом. Где-то глубоко внутри у Тони всё еще жила тоскливая боль одиночества, однако новые радости переполняли сейчас всё его существо.

Тони любил тёплое, дающее жизнь солнце. В зябкие ночные часы он вспоминал его и тогда почти не чувствовал пробирающего до костей ночного ветра. Тони разделял радость голубей, в косом полёте они летели всё выше и выше, к самому солнцу.

Тёмной ночью запах плесени и гнилой соломы бил в нос, но Тони вспоминал благословенный запах земли. Облизнув шершавым языком губы, он, казалось, вновь ощущал вкус нежных мягких листочков, которыми лакомился в течение дня. Когда Тони спал, ему виделись во сне зелёные холмы и долины,

уходящие в бесконечную даль. И верилось, что уж, конечно, голодным ему больше никогда не бывать.

Рос Тони, и росло его сердце. Он начал даже задумываться о других ягнятах и сочувствовать им.

— Почему, — спрашивал он у Динго, — почему они не поднимают голову, не перестанут жевать хоть на минутку, не оглянутся, чтобы увидеть, какой прекрасный вокруг них мир?

— Без царя в голове они, — отвечал всегда Динго. — Даже ночью, в загоне, они ищут друг друга, только чтоб в догонялки поиграть. И через спящих матерей своих прыгают. Видел, что они на пастбищах вытворяют? Собьются в стайку да ускачут в самую чащобу. Им невдомёк, что там темно и опасно. И загнать их обратно, в безопасное место, мне очень трудно. Никто из них ни минутки наедине с собой не побудет. Куда уж им смотреть и слушать!

«Да, смотреть они не умеют, — думал про себя Тони, — лопают прелестные лютики и анемоны, не дают им цвести и украшать поля. И слушать тоже не умеют, мимо ушей пропускают песню жаворонка, даже не замечают, как пугают бедную птицу, когда слишком близко пробегают мимо её гнезда, спрятанного в траве».

Каждое утро Тони выходил вслед за Динго в прекрасный летний мир. Каждый день он изумлялся свежести и новизне этого мира.

— Почему? — спрашивал он Динго.

— То, что красиво, всегда видишь заново, — отвечал тот.

Динго учил Тони слышать звуки, когда вместе они отдыхали в тени громадной скалы или терновника. Если бы Динго частенько не приходилось вытаскивать глупых ягнят из глухих уголков леса и приводить их назад, он бы всё время лежал в тени рядом с Тони. Чуть зашуршит листва, хрустнет ветка, — Динго вскакивал — ушки на макушке, — принохивался.

Резкий, предупреждающий зов ворона, пронзительный вскрик сойки и вслед за тем леденящая душу тишина, когда внезапно замолкали птицы-ткачи и жаворонок беззвучно парил в вышине, — всё это были знаки для Динго. Тони быстро понял, что опасность всегда близка. Волки, медведи да и другие

свирепые хищники притаились в тёмных зарослях и ждут своего часа. Наблюдая за Динго, Тони учился осторожности и мужеству.

Слушать и различать звуки стало очень важно для Тони. Он слышал, как лёгкий ветерок пробегает по пастбищу, раскачивает и пригибает к земле анемоны, а лютики превращает в танцующие звёзды. Он слышал, как шуршит ветер среди огромных валунов, ограждавших пастбище на холме.

Раньше Тони, выходя из ворот кошары, мешкал: он старался держаться позади стада, чтобы не попасть на рога или в давку. Но прошло время, и теперь Тони выходил из ворот последний совсем по другим причинам. Если вечером он отставал от стада, чтобы не слышать однообразного «бэ-э-э-э», его встречала лёгкая, как вечерняя тень, песнь жаворонка. В сумерках на верхушке тисового дерева или на верхних ветках боярышника пели зяблики.

Но более иных звуков радовал сердце Тони звон ручейка, бегущего через пастбище. Вечерами Тони склонял пятнистую голову совсем низко, к самому своему крапчатому боку.

Он слышал нежную песнь воды, перекатывающей через гладкую гальку. Когда мечты и сон сливались воедино, Тони слышал, как вода шепчет что-то зелёному травяному берегу, а ручей бежал всё дальше и дальше к реке, и дальше к синему морю.

— Бэ-э-э-э! Хоть бы они замолчали! — сказал Тони однажды Динго, когда они вдвоём отдыхали в тени. — Всё блеют и блеют — не дают слушать музыку земли.

— Нет, Тони, сейчас ты не прав, — возражал ему Динго, — матери должны сзывать своих детей, и те должны отвечать им. Ягнята должны отвечать, и когда пастух зовёт, и бежать за ним вприпрыжку, а не то он ужасно рассердится. Если б они не блеяли и не бежали на зов, я бы просто не мог держать их всех вместе, в куче. И тогда они заблудились бы, потерялись. Был один случай, ещё до того, как ты родился: двое ягнят слишком далеко забрели в заросли. Едва пастух слышал, как вопят их мамочки, он тут же послал меня на поиски. Но я нашёл только две окровавленные, изодранные шкурки. Пастух вы-

мыл их в ручье и сшил себе пару перчаток. Пусть уж лучше блеют да вертятся перед глазами.

Большой баран, что был вожакom отары, высоко держал голову, вскидывал острые рога и вышагивал впереди стада. Его копыта ступали так тяжело, что, казалось, земля вздрагивает. Все ягнята просто души в нём не чаяли.

Но для Тони героем был Динго. Чем больше рос Тони, тем сильнее он привязывался к Динго. Тони подражал Динго так же, как другие овцы пытались подражать своему вожаку. Динго был предан пастуху и слушался его команд, — неважно, мягко или грубо звучал его голос. Динго всегда был храбр, на пастбище ли, в кошаре. Днём ни один хищник, что притаился в тёмных зарослях, не уходил незамеченным. А ночью, едва заслышав издалека голодный вой или почуяв крадущуюся к кошаре чужую тень, Динго тут же бросался к воротам.

Важный, самодовольный вожак стада с толстой неповоротливой шеей значил для Динго не больше, чем самый маленький ягнёнок. Динго хватал его за ноги, заставляя двигаться, идти вперёд, стоило пастуху подать сигнал своей ярлыгой.

Шло время. Постепенно Тони становился всё больше похож на собаку. Чуть что, он, наострив уши, принюхивался.

Его голос звучал теперь то тревожно-вопросительно, то повелительно и был более похож на голос Динго, чем на бэ-э-э ягнят или бляенье взрослых овец. Ростом Тони не вышел и до сих пор не перерос Динго. Он оставался самым маленьким ягнёнком во всей отаре. Но оброс длинной, лохматой, крапчатой шерстью. Так что, глядя на Тони и Динго издалека или видя, как они лежат рядышком в воротах кошары, трудно было отличить одного от другого.

Всё длинней становились тени, всё больше закрывали они долину. Вечерами возвращаться в кошару приходилось всё раньше. Однажды, внимательно посмотрев на небо, Динго сказал своему другу:

— Лето кончается. Хотим мы или не хотим, чтоб оно длилось вечно, но так не бывает. Идёт зима.

Как это грустно! Снова овцы будут толкать и отпихивать его от кормушки. Снова надо тесниться внутри серых стен

кошары на грязной сырой соломе, вместо зелёного ковра пастбищ, не видеть и не слышать земли. Вновь он должен вернуться к одинокому существованию вдали от кормушки.

Так тяжело одному в переполненной кошаре. На него в упор смотрели глаза равнодушные, а то и полные презрения. Они были теперь очень близко, и Тони не мог убежать от них, как летом.

— Чего нос повесил, грустишь? — спросил Динго, видя, как Тони понурил голову.

— Лето кончилось. Жалко, — ответил Тони. — Не люблю я быть запертым в этой кошаре. Холод, дождь, хмурые дни без солнца!

— А ты вспоминай лето почаще, — посоветовал Динго. — Глядишь, и солнышко вернётся.

Серые дни пришли, и Тони в самом деле вспомнил о лете. Укладываясь спать на сырой соломе, Тони закрыл глаза — и закачались на лугу цветы. Песнь жаворонка зазвучала вновь и заглушила завывание зимнего ветра вокруг кошары. Во сне Тони слышал бегущий смех ручейка, который он так любил.

Но зима никак не кончалась. Тони видел тревожные сны, а пробуждение удручало ещё больше. Ему снилось, будто он бежит, бежит, бежит... Он бежал во сне мимо стоячих луж, мимо известняка, но там, где должен был струиться ручей, его не было. Звонкой, весёлой воды больше не было. Тони не мог её найти.

Когда конец зимы был уже близок и солнце всё дольше стояло над кошарой, Тони услышал слова пастуха: «Пришло время стрижки овец». Впервые Тони задумался о своей судьбе, о своём будущем. Увидит ли он ещё хоть раз ручей, и зелёный луг, и прекрасный мир, что живёт за стенами кошары?

В этом году Тони стал такого же роста, как все. Раньше ягнят отбирали на потомство, для разведения породы, теперь их угоняли куда-то, и больше они уже не возвращались. В прошлом году Тони мало заботило, будет он жить или нет... Всё переменилось сегодня. Может быть, вырос и повзрослел Тони? Теперь он не хотел потерять эту душистую землю, лишиться дружбы храброго Динго.

Тони прятал свой страх и тревогу. Не хотел огорчать своего друга Динго. Ведь угонять ягнят из стада было частью его работы. Но Динго и сам знал, что пришло время и пробил час. Он смотрел на Тони и дрожал от страха, что настанет день, когда пастух укажет своему псу на Тони, и Динго придётся подчиниться приказу.

«Теперь, Динго,— скажет человек,— этот с раздвоенным ухом, и тот костлявенький, что прячется позади вон тех овец. Загони-ка их в угол. А сейчас хромой, помнишь, прошлым летом он всё спотыкался, бегая среди высоких скал, и вон тот ягнёнок с каурыми пятнами, тот, тот, что ведёт себя скорей как собака, чем как овца».

«Моя жизнь — в повиновении»,— уговаривал сам себя Динго, когда эти ужасные мысли стучали у него в голове. Ну хорошо, в этот, один-единственный, раз он не послушается. Ой ли? И что из этого выйдет? Всё равно зацепит пастух своей ярлыгой Тони за шею и поволочёт его, барахтающегося, вместе с другими. Но тут, думал Динго, в сумасшедшем броске он швырнёт своё тело к воротам кошары: «Бежать!» — позовёт он Тони. Но ворота собаку выдержат. Они стоят прочно.

Вернулись тягучие зимние дни, один день сменялся другим, солнца не было. Казалось, оно никогда больше не поднимется, оно мертво. Друзья проводили вместе долгие часы, но оживлённых бесед уже не было, между ними стояло затянувшееся молчание. Тони прекрасно понимал, почему в глазах Динго жили растерянность и жалость. Оба напряжённо ждали ужасного дня, который непременно придёт, когда минет пора стрижки овец.

Тёмное низкое небо поливало дождём — каждая капля как льдинка, а дождь со снегом кололся, как колючки терновника. Казалось, зима никогда не кончится. Но хотя весна запаздывала и потому откладывалось время стрижки овец, Тони ждал её прихода. Весной голуби заворкуют в сгущающихся сумерках, а сейчас слышен только голодный вой волков: они всё ближе и ближе подкрадываются во мраке. Весной радостно парит жаворонок и светлеет от этого небо. Весной чёрные-чёрные вороны и стерегущие добычу ястребы не станут больше кружить в

небе, а улетят к высоким скалам вить гнёзда и выкармливать своих птенцов.

Пастух тоже ждал прихода весны.

— Этот дождь должен же кончиться,— говорил он Динго, сидя у огня.— Пора нам сходить в деревню за продуктами. И пора выгонять отару на пастбище. Пусть поищут первой молодой травки.

Однажды вечером пастух вытряхнул из мешка последние крошки ячменя. Ему удалось испечь всего лишь маленькую ячменную лепёшку.

— Всё равно я голоден,— сказал он Динго.— И винный бурдюк тоже пуст. Мы должны пойти в деревню. Если потопимся, будем назад раньше, чем ночные хищники выйдут на охоту.

Он укрепил бурдюк на спине Динго, свернул мешок из-под ячменя и зажал его под мышкой. Тщательно закрыв на засов ворота, он отправился в деревню, что лежала далеко внизу.

Как только Динго убрался с его пути, овечий вожак тут же принялся «точить свои рога», а овцы тут же расступились перед ним. В том, что Динго нет, вожак углядел удобную возможность проучить Тони. Здоровенный баран, опустив голову, двинулся на ягнёнка. Громадные кривые рога вонзились в пятнистую шёрстку Тони и с силой отшвырнули его к воротам кошары. Тони лежал неподвижно. Краем глаза он увидел выгнутую шею и голову барана — наготове к новому удару.

Но вдруг ласка пролезла под ворота, и всё стадо, блея и перебирая ногами, в панике ринулось к дальнему концу кошары. Вожак тут же забыл про Тони, он нервно заметался между лаской и растревоженным стадом. Ласка подошла к камню, на котором пастух готовил ячменную лепёшку, и копалась в золе, надеясь найти случайно оставленные крошки. Потом поднялась на задние лапки и уставилась на стадо. Пробежала мимо Тони и нырнула под ворота. Теперь Тони дышал опять ровно, но не двигался. Он привык лежать у ворот вместе с Динго и никогда не присоединялся к толпе у задней стены кошары.

Ухающий крик горной совы вновь вызвал судороги страха у овечьего стада. Овцы сгрудились — голова к хвосту — в одну сплошную массу. Вожак заметался. Он низко опустил голову, словно от стыда.

Тони распрямился и даже стал больше ростом. Бок всё ещё саднило. Он опустил свою в карих крапинках голову поближе к земле, к передним ногам. От земли пахло его другом Динго. Тони смотрел, как толчётся вокруг перепуганное стадо. Он слушал, как блеют от страха овцы. Веки его отяжелели, глаза начали слипаться. Овцы расплывались перед глазами и становились всё меньше и меньше. Теперь это было уже одно смутное пятно анемонов, они кивали головками и танцевали под лёгким летним ветерком. Наконец ветер унёс и блеянье овец. Тони спал.

Лёгкий сон Тони был краток. Его разбудил холодящий душу волчий вой. Все овцы сгрудились в дальнем углу кошары. Они прижались друг к другу, оцепенев от страха. Никто уже беспокойно не блеял, не слышно было ни звука, только иногда кто-то топотал, переступая с ноги на ногу, но всё реже, всё тише и реже.

Тони встал. Волчий вой вновь разорвал тишину ночи, теперь уже ближе.

«Зовёт свою стаю, — подумал Тони. — Может быть, он видел с высоких скал, где затаился днём, как уходили овчар и Динго».

Тони хорошо выучился собачьей науке у своего друга Динго.

Среди овец началось слабое движение. Стадо вытолкнуло вперёд своего вожака. Вой раздался вновь и уже так близко, что отозвался эхом от самых стен кошары и улетел в ночь.

Овечий вожак быстро развернулся и втиснулся обратно в стадо.

Тони тоже тронулся с места. Четыре коротких шажка, и он оказался у самых воротных засовов. Глянул в темноту между перекладами ворот.

Тони помнил, как Динго возвращался из зарослей, прогнав опасность, спокойный, невозмутимый. Тони восхищался

храбростью друга, но Динго отметал все восторги одним взмахом хвоста.

«Просто надо твёрдо стоять на ногах с высоко поднятой головой, — казалось, хотел он сказать. — И чтоб никакой дрожи в голосе, твёрдо стоять, только и всего».

Голос у Динго был действительно глубокий, и рычать он умел так, словно два больших камня, катясь с горы, столкнулись друг с другом. Тони часто спрашивал себя, мог бы он рычать так же, как Динго. Блеять-то он никогда себе не позволял. И с Динго всегда разговаривал глухим низким шёпотом, чтоб прочие из стада не слышали и не смеялись над ним.

Тони осмотрел стену кошары.

«Волк сперва подойдёт к воротам. Принюхается, озираясь. Затем отойдёт назад, разбежится и сиганёт через стену. И тогда наступят разор и смерть. Для меня первого, я ведь вне стада, и я самый маленький из всей отары».

Тони прислушался. Из темноты за воротами до него донёсся пронзительный звук скребущих когтей.

«Пробует силу и точит когти на плоском камне», — подумал Тони. Он много раз видел, как делал это Динго, почуяв вблизи опасность.

Звук скребущих когтей был совсем близко. Тони набрал побольше воздуха в лёгкие. Шерсть на нём встала дыбом. Глубокий вдох сделал его выше ростом. Пожалуй, попробует зарычать, как Динго, а потом спрячется в стаде.

Но он ждал слишком долго. Два горящих глаза сквозь перекладыны ворот уставились прямо на него. Воздух взорвался внутри Тони: RRRPРАВ!

Что за рык! Почище Динго!

Но, выпустив весь воздух, Тони потерял равновесие.

В стремительном броске на ворота он упал.

Когда он снова поднялся, откуда-то издалека до него донёсся голодный, уже несмелый вой и замер в ночи.

Тони стоял, прижав свой нос к перекладам ворот, и вглядывался в темноту. Он наострил уши, надеясь услышать шаги пастуха, идущего по тропе к кошаре.

Но вскоре он не мог уже больше стоять. Он должен был

лечь. Его трясло, ноги не слушались. Мелко стучали зубы. Тони бил озноб, а нос стал горячим. Он хотел лизнуть нос, но рот был сжат слишком крепко, и Тони не удалось разлепить губы. Он слышал, как стучат у него зубы, и ему было стыдно.

Тони лежал лицом к воротам, положив морду на передние ноги. Не раз он оборачивался, чтобы взглянуть на безмолвное, неподвижное стадо, сжавшееся у дальней стены кошары.

Было уже далеко за полночь, когда вернулись пастух и Динго. Пёс шёл с трудом, таща тяжёлый бурдюк. Плечи хозяина сгибались под тяжестью мешка с ячменной мукой и солью. Пастух заглянул в ворота, тронул засовы, чтоб открыть их, но внезапно остановился.

— Беда, Динго, — сказал он громко. — Какой-то разбойник убил коротышку и до смерти напугал отару.

Звук пастушьего голоса пробудил Тони ото сна.

— Загнал всех овец в угол, — сказал пастух.

Он отодвинул засов и, оставив ворота полуоткрытыми, ринулся к отаре. Овцы закопошились. Не успел он скинуть свой тяжёлый груз с плеч на землю, как схватился за тяжёлую дубинку.

— Динго, ко мне! — кликнул пастух и отвязал ремень, что удерживал бурдюк на спине у пса.

Но Динго не побежал за пастухом к отаре. Вместо этого он бросился вон, рыча и обнюхивая землю вокруг кошары.

Когда пастух не обнаружил зверя, загнавшего его отару в дальний угол кошары, он вернулся и долго стоял у ворот. Потом глянул на Тони и, увидев, что тот жив, устался в ночь. Он позвал назад Динго и запер ворота.

— Что-то случилось здесь, — сказал он и ещё раз посмотрел на Тони, изумлённый, что тот не сжался от страха, как все остальные овцы. — Придёт утро, разберусь.

Странно, но на этот раз Тони почему-то больше задело, когда пастух назвал его «коротышкой». Он гадал только, узнает ли пастух когда-нибудь, что же на самом деле произошло.

Динго обязательно узнает. Тони расскажет ему утром. Но сейчас он просто улёгся рядом со своим другом, а тот распластал усталое тело на земле перед самыми воротами. Тони

слышал, как пастух журит полуживое от страха стадо. Но овцы и не думали двигаться с места. В конце концов он махнул на них рукой. Тяжело вздохнул и улёгся на свою убогую постель из овечьей шкуры. И это было последнее, что слышал Тони. Он поближе придвинулся к Динго и закрыл глаза.

На следующее утро Тони разбудил сильный пинок пастушьего сапога.

— Почему это ты всегда лежишь на самой дороге? — раскричался овчар. — Почему ты не испугался, не бросился бежать в панике, как все овцы? Жаль, бессловесная ты тварь. Пошли, Динго! — Овчар открыл ворота и нагнулся, изучая землю. — Это совсем не твои следы, Динго! — сказал он вдруг.

Динго направился к большому камню неподалёку от ворот. Обнюхал его, забегал вокруг и зарычал.

— Волчьи следы, вот что это такое! — сказал овчар, подойдя к Динго. — Волчьи лапы! Волк был здесь! Это уж как пить дать!

Динго уже не обнюхивал землю. Он подбежал к Тони и встал как вкопанный рядом с ним. Потом принялся лизать его пятнистую, бурую мордочку. И радостно вилять хвостом.

Пастух долго наблюдал нежные ласки Динго и наконец заговорил:

— Ха, коротышка, ведь это сделал ты! Ты похож на собаку. Ведёшь себя по-собачьи. И пахнешь, должно быть, собакой. Тот лесной разбойник, верно, принял тебя за Динго, когда смотрел в ворота.

Радостно-взволнованный голос пастуха испугал Тони. Да ещё человек слишком стремительно приближался к нему, словно спешил за неразумной овцой, что отбилась от стада.

Тони стоял смирно, ожидая пинка под рёбра. Но этого не случилось. Пастух позволил себе нечто неожиданное — Тони никогда не видел, чтобы он проделывал это с кем-нибудь, кроме Динго. Человек протянул свою жилистую руку и погладил Тони по голове. Потом почесал пальцами мягкую в бурых подпалинах шёрстку. Тони почувствовал себя непривычно счастливым. Глаза его лучились светом, словно пламя пастушьего костра. Горячая волна радости залила Тони с головы до ног.

Когда она достигла кончика хвоста, Тони вдруг захотелось... Нет, это невозможно! И всё-таки Тони вдруг завилял хвостом!

— Коротышечка! — ласково посмеиваясь, сказал пастух. — Ты в самом деле маленький. Но ты навсегда останешься с нами. Никому тебя не отдам! Овечий пёс есть у всякого, но ни у кого, кроме меня, нет особенной овцы!

Когда Тони и Динго остались одни в тихом углу кошары, Тони прошептал на ухо своему другу всю историю прошедшей ночи.

— Теперь ты станешь вожакотары, — радостно сказал Динго, выслушав Тони. — Они больше не пойдут за этим трусом. Он так напугался, что забился в угол, как и все овцы. Тоже мне, вожак! Теперь ты, а не он, будешь гордо идти впереди отары на пастбище!

Тони задумался. Затем он сказал:

— Но ведь ты, Динго, должен идти позади всех. И я не смогу тогда бежать с тобой рядом, как всегда. Нет, я не хочу.

— Но ты станешь первым, — возразил Динго.

— Нет, я не хочу, — повторил Тони.

Он говорил спокойно, но твёрдо.

И вновь, лёжа бок о бок, они мечтали о звенящем ручье, о зелёной траве летнего пастбища.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Уильям Г. Армстронг

ПОВЕСТЬ О ТОНИ И ДИНГО

ИБ № 7274

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор О. К. Кондакова. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректор Л. Г. Петровичко. Слово в набор 09.12.83. Подписано и печатано 03.05.84. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 11,7. Уч.-изд. л. 1,48. Тираж 150 000 экз. Заказ № 4330. Цена 15 коп. Орден «Трудового Красного Знамени и Дружбы народов» издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Орден «Трудового Красного Знамени» фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

